

Никита Пивоваров: Как обустраивали Россию — между идеологией и реальностью

*Nikita Pivovarov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Russia):
How the territorial structure of Russia was built — between ideology and reality*

DOI: 10.31857/S0869568722060097, EDN: MMEJEP

История АТД — одно из классических направлений в историографии, незаслуженно забытое современными исследователями. Исчерпывающих публикаций по данной проблематике не появилось, а имеющиеся работы недостаточно детализированы и хронологически привязаны преимущественно к событиям

1920–1930-х гг. Однако сейчас эта тема как никогда актуальна не только с точки зрения получения нового научного знания, но и в связи с общественно-политическими событиями современности. В этом отношении исследование «Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты» представляет особый интерес, так как посвящено почти 90-летнему опыту территориального строительства в РСФСР и современной России.

Формально книга разделена на две части. В первой описан советский период, во второй — история современного российского государства, начиная с перестройки и заканчивая 2007 г. Задав для своего исследования столь широкие хронологические рамки, В.Н. Круглов использовал разнообразные источники и методы исследования. Так, анализируя новейшее время, автор маневрировал между историческим и политологическим анализом. Вместе с тем, наряду с формально-хронологическим принципом, книга разделена тематически. Отдельным блоком рассмотрены вопросы, связанные с национальными автономиями, и пограничные дискуссии РСФСР с другими союзными республиками. Прослежены изменения в рамках российских губерний, областей и краёв.

Концепция книги строится на «маятниковой» модели принятия решений. Эта модель хорошо известна в историографии и использовалась при описании административно-территориальных преобразований, но автор заметно её расширил, ушёл от узкой формулы «дробление—укрупнение», наполнив её концептуальным содержанием. По мнению Круглова, постоянные «колебания маятника» при принятии решений можно объяснить сменой идеологического подхода на более прагматический (в основном, экономический), а также чередованием интересов центра и регионов. В этом отношении показательны ранние советские годы. Когда в 1918 г. принималась первая Конституция, федерализм имел размытый статус, а формирование территорий происходило главным образом по своеобразию национального состава, а не по хозяйственно-экономическому укладу. В 1920 г. под влиянием плана ГОЭЛРО именно экономические факторы были объявлены главными для образования и развития регионов, но уже с середины 1920-х гг. создание новых территорий вновь стало зависеть от политических и даже кадровых задач, стоявших перед руководством страны. Масштабное переформатирование территорий в конце 1920-х — начале 1930-х гг. объяснялось деполитизированно — необходимостью развития экономики страны в целом и регионов в частности. Таким образом, в первое десятилетие советской власти концептуальные обоснования территориальных преобразований менялись несколько раз.

В последующие годы частота колебаний в принятии решений уменьшилась. Идеологический подход сохранился главным образом в отношении национальных автономий, тогда как административно-территориальные преобразования областей и краёв РСФСР в основном зависели от экономических факторов. Автор показал, что повышение статуса той или иной автономии (из автономной области в автономную советскую социалистическую республику) связывалось как с продолжавшимся вплоть до середины 1930-х гг. процессом коренизации, так и с коммеморативными практиками. Например, Мордовскую и Калмыцкую автономные области преобразовали в АССР в связи с пяти- и пятнадцатилетием со дня их образования (с. 174). Впрочем, даже в отношении национальных автономий решения принимались не всегда последовательно. Показательна судьба «репрессированных народов», лишившихся своих автономий в 1940-х гг. После смерти И.В. Сталина большинство АССР восстановили,

за исключением республики немцев Поволжья и крымских татар (во многом под влиянием экономических факторов).

По мнению Круглова, власть в последний раз использовала идеологию как основу для территориальных преобразований в начале 1960-х гг., при принятии в 1961 г. третьей Программы партии – ключевого политического документа того времени. Одним из её положений стало заявление о том, что все советские нации равноправны. Следовательно, какие-либо границы между союзными республиками должны быть ликвидированы, что на тот момент противоречило господствовавшему экономическому взгляду на развитие территорий. Однако с середины 1960-х гг. и вплоть до перестройки движение «маятника» практически прекратилось, так как основанием для возможных территориальных преобразований стала служить экономическая эффективность, а не идеология.

На протяжении всей книги Круглов довольно подробно рассмотрел и проанализировал инициативные предложения о территориальных изменениях, исходившие от партийных, государственных и общественных структур. В результате он пришёл к новым выводам. Так, в историографии утвердилось мнение о существенном влиянии научного сообщества на принятие политических решений. Достаточно обратиться к уже ставшей классической монографии Ф. Хирш, недавно переведённой на русский язык. В ней говорится, что научное сообщество не только поддерживало и укрепляло советскую власть, но и во многом определяло представления руководства страны о таких категориях, как «народность», «нация», «национальность», что в свою очередь влияло на принятие решений о межгубернских границах губерний и областей¹⁷.

Выводы Круглова идут вразрез с подобными утверждениями. Он приводит доказательную базу, которая позволяет однозначно утверждать, что уже с середины 1920-х гг. «оформилась линия власти на принятие ключевых решений без всяких консультаций с представителями научного сообщества» (с. 105). В заключении автор ещё раз, и куда более критично пишет на этот счёт: «Власть демонстративно не обращала на них (учёных. – *Н.П.*) внимания, рассматривая науку не как партнёра, экспертное сообщество и интеллектуальную среду, а как службу, призванную разъяснить массам “великую мудрость марксизма-ленинизма”» (с. 429). Важно также понимать, что не только власть полностью игнорировала мнение учёных по территориальным вопросам, но и само научное сообщество с конца 1920-х гг. стало транслировать исключительно «телеологическую» точку зрения¹⁸, которая сводилась к тому, чтобы подтвердить правильность целей и задач, обозначенных советским руководством (с. 232). Другое дело, что автор не всегда последователен в доказательстве своего тезиса. Например, при описании инициатив второй половины 1960-х и 1970-х гг. он не обращается к документам партийных и государственных институтов, а описывает только на научную дискуссию по административно-территориальным вопросам, развернувшуюся среди советских экономистов.

Вместе с тем представляется, что описанный механизм принятия решений носит излишне персонифицированный характер. Например, автор пишет, что

¹⁷ Хирш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022. С. 208.

¹⁸ Подробнее о споре так называемых генетиков и телеологов по вопросам территориальных преобразований см.: Меерович М.Г. «Генетики» и «телеологи» – дискуссия о районировании СССР // Архитектон: известия вузов. 2012. № 4. С. 63–79.

Белоруссия самим фактом своего существования обязана Сталину (с. 102), он же единолично решил судьбу единой осетинской автономии (с. 116). Резюмируется его роль так: «Утвердившись в роли “вождя”, Сталин определял, как и в каком направлении будет развиваться страна. В частности, именно он являлся “творцом” её новой территориальной структуры» (с. 137). Аналогичным образом оценивается роль Н.С. Хрущёва. Подобная персонификация возможна при описании исторических событий, тем более что традиционно это один из наиболее популярных и востребованных среди исследователей подходов, так как через него проще объяснить сложные проблемы. До российской «архивной революции» вся западная историография советского политического проекта — за минимальной доступностью источников — строилась на персонализированном подходе¹⁹. Однако уже имеющийся архивный базис (как введённых в научный оборот документов, так и ожидающих своего часа) побуждает отказаться от подобного подхода при анализе таких сложных явлений, как территориальные преобразования.

Автор довольно аргументированно обосновывает свои утверждения. Однако некоторые тезисы вызывают вопросы. Например, мнение о том, что процесс образования новых областей в годы Великой Отечественной войны был связан с усилением вертикали управления для обеспечения контроля над окраинами страны (с. 155). Как представляется, районирование тех лет скорее необходимо рассматривать через призму децентрализации, как проявление слабости руководства страны и переложение ответственности на местные власти. Сомнение вызывает и тезис о том, что «Ленинградское дело» объяснялось во многом борьбой с «русским национализмом» (с. 181). На сегодняшний день в историографии показано, что эта политическая кампания не имела отношения к выдвиганию некоей «русской партии» из высших эшелонов власти²⁰.

Отдельные проблемы истории советского АД автор, к сожалению, обошёл вниманием. Например, не прокомментированы тенденции послевоенного времени, связанные с формированием в ряде союзных и автономных республик областей. Остаётся открытым вопрос о том, какую цель преследовали руководители эпохи «позднего сталинизма» и почему фактически сразу после смерти «вождя» такое областное деление оказалось ликвидировано. Лишь в самых общих чертах представлены в книге сюжеты, связанные с инициативами хрущёвского времени — создание совнархозов и разделение обкомов на сельскохозяйственные и промышленные. Главный же пробел — отсутствие анализа процессов низовых территориальных преобразований, того, что в советское время называли районированием. Безусловно, если бы автор также тщательно описывал историю создания и ликвидации волостей, уездов, кантонов и районов, как это было сделано в отношении губерний, областей, краёв и АССР, то объём книги вырос бы в несколько раз. Однако можно было бы описать как отдельные сюжеты районирования (например, проблему территориальных конфликтов), так и показать в самом общем виде динамику формирования, укрупнения и разделения районов в 1930–1970-х гг.

Несмотря на то что книга посвящена казалось бы довольно «скучной» проблематике, повествование получилось интересным и даже захватывающим.

¹⁹ Зеленов М.В. «Двойная природа» ЦК РКП(б) и его место в политической системе Советской России 1919–1923 гг. // Российская история. 2021. № 6. С. 169.

²⁰ О разных подходах в изучении «Ленинградского дела» см.: Болдовский К.А., Бранденбергер Д., Пивоваров Н.Ю. За что расстреляли руководителей-блокадников? // Родина. 2019. № 6. С. 130–133.

Отдельные сюжеты читаются как настоящий исторический детектив. Во многом это заслуга автора, который мастерски владеет пером и не даёт читателю скучать над страницами своей книги. Впрочем, иногда в ней встречаются выражения неакадемического характера. В ряде мест вместо названия союзной республики «Казахстан» почему-то использовано слово «Казахия» (с. 176, 204), что исторически неверно. Не свободна книга и от непроверенной информации. Например, описываются проекты перекраивания пространства Казахстана в начале 1960-х гг. (с. 203–204) или территориального переустройства всего СССР в начале 1980-х гг. (с. 247–249). В первом случае основанием для исторического мифа послужили публикации журналистов 1990–2000-х гг., а во втором — воспоминания бывшего помощника генсека ЦК КПСС А.И. Вольского. При этом автор и сам отмечает, что обе истории не имеют официального документального основания, поэтому непонятно, насколько необходимо было вводить в научный текст описание явных фальшивок.

В целом же В.Н. Круглов не только убедительно показал, как и почему советские административно-территориальные проекты потерпели крах, но и предложил свой ответ на вопрос А.И. Солженицына о том, как обустроить Россию. Не имея опоры на экспертов, которые могли бы критично оценить проекты формирования территорий, руководство страны оказалось заложником собственных идей, вынужденно находилось в маятниковом движении — то усиливая централизацию, то ослабляя её, то делая ставку на идеологические факторы, то на экономические. Общий посыл книги заключается в том, что власть должна как можно шире привлекать научное сообщество для решения и административно-территориальных, и других вопросов развития страны, общества и государства.